

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пучкова А.Е. Предметность в осмыслении окружающего пространства и становление личности героя-рассказчика: «Письма русского путешественника» // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75259
EDN: TCVNFD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75259

Предметность в осмыслении окружающего пространства и становление личности героя-рассказчика: «Письма русского путешественника»

Пучкова Анастасия Евгеньевна

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы; Государственный университет просвещения

141305, Россия, Московская обл., г. Сергиев Посад, ул. Кирпичная, д. 24, кв. 29

✉ anastasiya.puchkova.97@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75259

EDN:

TCVNFD

Дата направления статьи в редакцию:

22-07-2025

Аннотация: Объектом исследования является предметная сфера книги Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника» и её место в оформлении представлений о предметном мире русской литературы конца XVIII века. В центре внимания находится проблема освоения реальности в поэтике сентиментализма и своеобразие творческой позиции Карамзина в указанном аспекте. Жанровая и проблемно-тематическая многоплановость «Писем русского путешественника» раскрывается на различных уровнях текста, что определило и особенности организации предметного мира в нем. Актуальность статьи определяется необходимостью целостного взгляда на динамику изображения предметного мира в русской литературе XVIII века, своеобразной моделью которой и может выступать книга Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника». Цель статьи – реконструировать предметный мир «Писем русского путешественника», предложить типологию предметно-бытовых деталей книги с учетом различных принципов, которые использовались Карамзиным для организации ее художественного мира. Методологической основой исследования является структурно-семиотический

анализ текста, позволяющий реконструировать законы построения и художественного функционирования системы предметных деталей в нем, а также элементы сравнительно-типологического подхода, необходимого для выявления типологии предметных образов в книге. Новизна исследования заключается в том, что впервые выявляется предметный уровень карамзинского текста, что позволяет сделать выводы о специфике авторского освоения реальности. Основными выводами проведенного анализа являются следующие: предметный мир «Писем русского путешественника» отражает основные художественные принципы Карамзина-писателя – многоуровневость строения текста и динамический характер коммуникации «автор – читатель»; предметные реалии в книге группируются по нескольким принципам – принадлежности определенной жизненной сфере, соотношению объективно-описательного и субъективно-эмоционального начала, культурной закреплённости и ситуативной обусловленности представления в тексте. В совокупности это позволило автору статьи сделать выводы о специфике творческого освоения реальности Карамзиным-писателем, обусловившим магистральное направление развития русской литературы в конце XVIII – начале XIX в.

Ключевые слова:

Н. М. Карамзин, Письма русского путешественника, сентиментализм, художественный образ, художественная деталь, поэтика, предметный мир, категория автора, категория читателя, повествование

Русская литература XVIII века последовательно двигалась к открытию предметного мира в качестве базовой сферы художественного осмысления реальности. В период перехода от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания такой аспект поэтики, как система предметно-бытовых деталей, позволял писателю не просто фиксировать рамки художественного пространства текста и выстраивать мотивировки действия персонажей, но отражать всё более индивидуализировавшуюся картину мира, в полной мере оправдывая принцип, согласно которому «категория предмета, вещи оказывается важной для исторической поэтики»¹², так как по отношению к ней «оформляются целые литературные направления»¹².

Актуальность статьи определяется необходимостью целостного взгляда на динамику изображения предметного мира в русской литературе XVIII века, своеобразной моделью которой и может выступать книга Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника». Выявленный исследователями энциклопедизма этого произведения в полной мере раскрылся не только в сфере содержания, но и в сфере формы⁸, она стала художественным обобщением творческого поиска русских писателей XVIII в. в построении диалога с миром и прокладывала новые пути для развития литературы века XIXго¹¹.

Цель статьи – реконструировать предметный мир «Писем русского путешественника», предложить типологию предметно-бытовых деталей книги с учетом различных принципов, которые использовались Карамзиным для организации ее художественного мира. В исследовании применяются структурно-семиотический и сравнительно-типологический методы, которые позволяют представить предметно-бытовые детали в книге как целостную систему, обладающую собственными законами построения и строящуюся на различных иерархически соположенных уровнях. «Письма русского путешественника» как объект исследования позволяют сделать выводы о своеобразии освоения

предметной реальности как в рамках сентименталистской поэтики в целом, так и в индивидуальном преломлении художественных принципов Карамзина-писателя.

Организация предметного мира «Писем...» и жанровая природа текста

В книге «Письма русского путешественника» многочисленные предметно-бытовые детали могут быть классифицированы по довольно своеобразному принципу, который реализуется в общих закономерностях повествования, с учетом той жанровой полифонии, что стала основой карамзинского текста. Исследователями было установлено, что жанровая динамика для Карамзина определялась синтезом нескольких популярных во второй половине XVIII века моделей: беллетризованного путеводителя, «сентиментального путешествия» в духе Л. Стерна, а также аллегорического путешествия инициатического типа⁷, притом, что ориентация на эти модели не сковывала творческую фантазию Карамзина, и он создавал причудливый синтез самых разных подходов к воспроизведению того «маршрута» и дарованных им «впечатлений», которые определили внешний сюжет книги.

Каждый из этих жанровых принципов предполагал отдельную художественную стратегию работы с предметным миром текста.

Для беллетризованного путеводителя («образцом» которого являлась книга Ш. Дюпати «Путешествие по Италии», и значимость которого для Карамзина была зафиксирована уже в работах В. В. Сиповского¹⁰ и Т. Роботи⁷) предметный мир – та материальная основа, о которой автор должен рассказать своему читателю, чтобы сориентировать его, помочь в подготовке к путешествию, направить его движение в реальном, предметном плане возможной поездки. Т. А. Алпатова справедливо отмечает «просветительский потенциал» этого слоя карамзинской книги и значимость наблюдений автора для возможных «последователей» – в «Письмах русского путешественника» фиксируются подробности транспорта, организации быта, возможности поесть и найти ночлег, достопримечательности, которые стоит посмотреть практически во всех местах, через которые пролегает маршрут героя-путешественника². На этом уровне принципом изображения предметного мира книги оказывается полнота и точность изображения.

Уровень книги, заданный традицией «сентиментального путешествия», восходящей к одноименной книге Л. Стерна, также предполагает специфический уровень представления предметного мира. В самом общем виде его можно обозначить как субъективно-эмоциональное маркирование изображаемых предметов, которые начинают играть для повествователя-путешественника не столько бытовую, сколько экспрессивную роль. Предмет наполняется ассоциативными аспектами, которые делают его частью душевной жизни человека, предметно-бытовая деталь становится эмоциональным «якорем», напоминая о важных для героя событиях. Вещь, предмет при этом, даже будучи вполне утилитарными, в значительной степени теряют свой предметно-практический смысл, по меткому замечанию Т. А. Алпатовой, становятся не столько «вещью», сколько «вещицей»² – чем-то эмоционально значимым, привлекательным, не утилитарным по своей сути.

По-своему реализует специфику изображения предметного мира и план книги Карамзина, связанный с аллегорической инициационной традицией. Т. А. Алпатова подробно проанализировала, насколько сложным и неоднозначным было отношение Карамзина-писателя к т.н. «масонской прозе»²; В. Я. Барсков³, В. В. Сиповский¹⁰, Ю. М. Лотман⁶, В. М. Сахаров⁹ установили, сколь сложны были отношения Карамзина с

масонским окружением его юности в ту пору, когда осуществлялась его заграничная поездка, и тем более когда создавались «Письма русского путешественника». Тем не менее, при всей иронической отстраненности писателя от аллегоризма масонской прозы, которая декларировалась уже в «Объявлении» о выходе «Московского журнала», роман М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» вызвал у него очень теплую оценку, и в целом сам принцип представления картины мира в романе подобного типа был Карамзину-писателю понятен и интересен, пусть во многом и как предмет полемики.

Не повторяя подробную характеристику принципов представления предметного мира в масонской прозе, обозначим те его особенности, которые представляются нам актуальными для «Писем русского путешественника». Это видение предмета как символа, открывающего глубоко скрытые ассоциативные культурные пласты – правда, для Карамзина скорее не эзотерические, сакральные, но именно получающие культурологический смысл, отсылающие к различным сферам культуры – преданиям, легендам, истории, мифологии и т.п. В конце XVIII века, когда в европейской мысли, прежде всего в Германии, оформлялись эстетические принципы романтизма, этот подход получил значительную актуальность – и таким образом Карамзин, строивший «философский сюжет» своей книги именно вокруг германской идейной традиции, по-видимому, мог ориентироваться как раз на этот подход. Предметный мир, увиденный в аспекте мифопоэтической, культурологической глубины посвятительного путешествия, обретал символические коннотации. Но, в отличие от прозы Хераскова, не «растворялся» в эзотерических ассоциациях, сохранял ту полнокровность, явленность и зримость, которая требовалась для книги в целом, выполнявшей, по мысли автора, важнейшую просветительскую задачу. «Он хотел стать вестником Европы для России и вестником России для Европы», – писал о Карамзине Ю. И. Айхенвальд¹, – и даже эта задача в полной мере была реализована в предметном мире его книги.

Предметно-тематический уровень типологии бытовых деталей: соотношение изобразительного и субъективно-эмоционального

Значительный по объему план «Писем...» составляют предметно-бытовые детали, связанные с различными сферами занятий человека – военное дело, торговля, земледельческий труд, писательство, путешествие и т.п., причем ожидаемо наибольшее количество подобных деталей связано с темами путешествия и писательства. При этом само количество именуемых реалий не столь велико; однако они встречаются довольно часто, поддерживая своеобразный ореол вокруг героя-повествователя, проходящего на глазах у читателей путь путешественника³. Это упоминания колясок, карет и др. средств его передвижения в пространстве – наиболее точные в бытовом отношении описания (поскольку, по-видимому, в данном случае предметная точность была наиболее важна для выполнения книгой ее просветительской задачи – дать советы путешественникам. Ср. «Странные экипажи! Длинные фуры цугом; лошади пребольшие, и висающая на них гремушка производят несносный для ушей шум»⁵; «Прусская, так называемая почтовая коляска совсем не похожа на коляску. Она есть не что иное, как длинная покрытая фура с двумя лавками, без ремней и без рессор...»⁵ и мн. др.) Различные средства передвижения, кареты, различные способы организации передвижения в разных странах описываются довольно подробно. Но когда представленная ситуация обладает значительным эмоциональным потенциалом, подробность внешних деталей отступает на второй план; так, в первом письме упоминания «кибитки», «звона колокольчика» («сел я в кибитку, взглянул на Москву, где оставалось для меня столько любезного, сказал: *прости!* Колокольчик зазвенел, лошади помчались... и друг ваш осиротел в мире,

осиротел в душе своей!»⁵) становятся знаками внутреннего состояния героя-повествователя – как правило, горестного, поскольку эти предметы в данном случае связываются с ситуацией расставания с друзьями. Печальному состоянию души повествователя может соответствовать и описание дурной погоды – из чего выстраивается, например, событийно острая сцена с поломкой кибитки в письме : «Кибитку дали мне негодную, лошадей скверных. Лишь только отъехали с полверсты, переломилась ось; кибитка упала в грязь, и я с нею. Илья мой поехал с ямщиком назад за осью, а бедный ваш друг остался на сильном дожде. Этого еще мало: пришел какой-то Полицейской, и начал шуметь, что кибитка моя стояла среди дороги. Спрячь ее в карман! сказал я с притворным равнодушием, и завернулся в плащ. Бог знает, каково мне было в эту минуту! Все приятные мысли о путешествии затмились в душе моей...»⁵.

Приведенный фрагмент иллюстрирует творческий принцип работы с деталью, который использует Карамзин в «Письмах...». Кибитка путешественника не описывается на внешнем, бытовом уровне, она охарактеризована как «негодная» по реальным следствиям и эмоциональному отношению к ней повествователя. Из обычного предмета в данном случае она становится знаком тяжести испытания, обрушившегося на него в самом начале поездки – чем-то мучительным, раздражающим, заставляющим погружаться в проблему, которая кажется путешественнику ниже его достоинства (о чем свидетельствуют другие детали описания, прежде всего «плащ», который здесь превращается из детали дорожного костюма в защитную оболочку героя, пытающегося подняться над толпой). Карамзин довольно иронично демонстрирует тщетность романтических попыток своего героя оторваться от того, что не позволяет забыть о себе – тем убедительнее становится продолжение этой сцены, когда проблема с кибиткой решается не благодаря тому, что герой в одиночестве отстраняется ото всех, но напротив – благодаря неожиданной помощи других людей – а также многочисленных предметов, с помощью которых они и содействуют путешественнику в преодолении его несчастий: «Мы взялись за руки, и побежали бегом в большой каменный дом, где в зале первого этажа нашел я многочисленную семью, сидящую вокруг стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли так ласково, потчивали так сердечно, что я забыл все свое горе. <...> Между тем привезли ось, и все было готово. «Нет, еще постойте!» сказали мне — и хозяйка принесла на блюде три хлеба. «Наш хлеб, говорят, хорош: возьмите его»»⁵.

Данный пример раскрывает еще одну важную особенность изображения предметно-бытовых деталей в книге Карамзина. Их появление чаще всего оформляет сцены, в которых происходит взаимодействие героя-путешественника с другими персонажами, и таким образом предмет воплощает идею связи человека с себе подобными, дружеского общения, основанного на взаимной помощи и симпатии, социальной устроенности. В принципе, это использование предмета в социальном взаимодействии людей можно рассматривать как одну из базовых особенностей его культурной функции, и изображение этого в искусстве является широко распространенным, и одно из направлений освоения предметности в русской литературе XVIII века как раз видится в открытии возможностей взаимодействия героев друг с другом через предметы; однако именно это взаимодействие оказывалось столь важно для оформления главного пафоса книги Карамзина: «Человек рожден к общежитию и дружбе»⁵, – что усиливает изображение предметного мира дополнительными эмоциональными красками.

Рассмотрим этот аспект на примере еще одной детали, связанной в книге Карамзина со специфической предметной сферой путешествия – «чемодан». Это тюркское заимствование приблизительно XVI века (по данным этимологического словаря М.

Фасмера), к моменту публикации «Писем русского путешественника» воспринималось как обозначение довольно экзотического предмета (ср. сундук, более плотно вошедший в народный быт). Чемодан многократно упоминается в «Письмах...», маркируя важные моменты путешествия, чаще всего приезда и отъезда, когда чемодан погружается в коляску, привязывается, отвязывается, переносится куда-то слугами (ср.: «Надобно было дописать письмо, расплатиться, укласть чемодан и приказать кое-что Илье»⁵; «Я сел в коляске назади, на своем чемодане; мог протянуть ноги <...> — и я, почитая себя блаженнейшим человеком в свете, заснул крепким сном, и спал до первой перемены, где разбудили меня пить кофе»⁵ и мн. др.). При этом в изображении чемодана подчеркивается идея субъективной принадлежности — это именно чемодан героя-путешественника, человек чувствует свою связь с этой вещью, и в известной мере отождествляет себя с ним.

И вот важный в книге момент, когда повествователь выбирает путь (направляться из Швейцарии и Италию или во Францию), появляется чемодан — и эмоциональная обращенность представления вещей в нем подталкивает героя принять решение, продиктованное повелениями дружбы: «Несколько минут я сражался с самим собою, сидя в задумчивости перед камином. Любезный Датчанин разбирал между тем свой чемодан, в котором лежали некоторый из моих вещей. *Вот твои книги*, говорил он — *твои письма — твои платки — возьми их! Может быть мы уже не увидимся. — Нет*, сказал я, встав со стула и обняв с чувствительностью Беккера — *мы едем вместе*»⁵.

Предметом, получающим дополнительную эмоционально-субъективные коннотации, становится в книге Карамзина также трость. Эта деталь костюма получает в повествовании в первую очередь не предметно-бытовой, а именно эмоциональный смысл, она никогда не описывается с внешней стороны, но при упоминании обозначается различными метафорическими, иносказательными формулами, каждая из которых включается в ореол эмоциональных ассоциаций, которые связываются в повествовании с изображением определенных локусов. Трость как нейтральное обозначение обретает дополнительные смысловые оттенки и благодаря литературным ассоциациям — в данном случае, с книгой Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»: «В тот же вечер стало мне так грустно, что я не знал, куда деваться. Бродил по городу, нахлобучив себе на глаза шляпу, и тростью своею считал на мостовой камни; но грусть в сердце моем не утихала. <...> Что же делать? спросил я сам у себя, остановясь в конце длинной липовой алеи, приподняв шляпу и взглянув, на солнце, которое в тихом великолепии сияло на западе. Минуты две искал я ответа на лазоревом небе и в душе своей; в третью нашел его — сказал: *поедем далее!* и тростью своею провел на песке длинную змейку, подобную той, которую в *Тристраме Шанди* начертил Капрал Трим (vol. VI, chap. XXIV), говоря о приятностях свободы. Чувства наши были конечно сходны. Так, добродушный Трим! *nothing can be so sweet as liberty*, думал я, возвращаясь скорыми шагами в город; и кто еще не заперт в клетку — кто может, подобно птичкам небесным, быть здесь и там, и там и здесь — тот может еще наслаждаться бытием своим, и может быть щастлив, и должен быть щастлив»⁵.

Исследователи выделяют в книге Карамзина целый смысловой план, связанный с наследием Л. Стерна, хотя уже В. В. Сиповский убедительно доказал, что несмотря на сложившийся историко-литературный стереотип восприятия Карамзина как «русского Стерна», он отнюдь не стремится калькировать образы, мотивы, жанровые схемы Стерна-писателя, воспроизводя не столько конкретные реминисценции, сколько именно «дух» свободного, динамичного, изменчивого стернаинского повествования, и данный

фрагмент не случайно строится вокруг единой для героев бытовой детали¹⁰. Трость, как продолжение руки героя, как воплощение его творческой воли и реализуется в конечном итоге в порыве к движению, представляющему дух самого путешествия в миниатюре.

В других случаях трость может заменяться иными, более ярко стилистически маркированными изображениями, гармонирующими с необычной локацией.

Романтизированные размышления путешественника как странника в ночи вызывают ассоциации трости со «странническим посохом» (см.: «Простите, друзья мои! Ясная ночь вызывает меня из комнаты. Беру свой страннической посох — иду смотреть на засыпающую Природу, и странствовать глазами по звездному небу...»⁵). Горный поход, требующий от героя физической силы и решимости, становящийся в сюжете книги одним из метафорических воплощений инициационного «пути» приводит к превращению трости в «Геркулесову палицу» (см.: «Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошел — с благоговением ступил первый шаг на Альпийскую гору, и с бодростию начал взбираться на крутизны»⁵).

Метапоэтический потенциал предметных деталей в книге

Под влиянием субъективно-эмоциональных коннотаций в книге Карамзина интересно трансформируются и те предметные детали, которые связаны с писательским творчеством героя-путешественника. Специфика этих трансформаций соответствует осмыслению творчества, письма как процесса, характерному для «Писем...». Творчество здесь понимается как живой, неостановимый, постоянно развертывающийся процесс, у которого нет четкого завершения, оно не ведет к утилитарной внеположной «цели», становясь самоцелью и приобретая безусловную значимость. Воплощением этого в книге становятся, с одной стороны, разнообразные примеры «ситуаций письма»², постоянно возникающие в повествовании и становящиеся лейтмотивом книги, с другой же — собственно сюжет эпистолярного общения героя с «друзьями» — максимально неформального, живого, свободного, которое не только сопровождает впечатления поездки, но в ряде случаев организует их; сюжет путешествия и сюжет писем о нем развертываются в книге параллельно, переплетаясь и взаимодействуя друг с другом.

Предметными воплощениями сюжета письма в книге становятся упоминания бумаги, записной книжки, пера и т.п. Повествователь замечает, что все свои заметки «писал серебряным пером»⁵, уточняет: «сел и написал то, что вы теперь читали»⁵ и т.п.

Особенно важными становятся эти предметы, когда они непосредственно связаны с творческим процессом и передачей его энергии от «учителя» к «ученику». Такое значение в книге приобретает «письмо» Лафатера, постоянно упоминаемые книги (детали, связанные и с иными, собственно литературными сюжетными ассоциациями «Писем...»). Примет этого же рода — предметные детали, связанные с организацией творческого процесса Ш. Бонне, книгу которого «Созерцатель природы» начинает переводить герой-путешественник: «"Вы решились переводить *Созерцание Природы*, сказал он: начните же переводить его в глазах Автора, и на том столе, на котором оно было сочиняемо. Вот книга, бумага, чернильница, перо". — С радостью исполнил я волю его; с некоторым благоговением приблизился к письменному столу великого Философа, сел на его кресла, взял перо его — и рука моя не дрожала, хотя он стоял за мною»⁵.

Как уже было отмечено, с темой творчества в книге Карамзина связывается изображение книги — довольно часто встречающееся в «Письмах...», оно обычно

оформляет историко-литературные ассоциации повествователя и становится не столько предметно-бытовой деталью, сколько мотивировкой для появления различных элементов интертекста, от прямых цитат до причудливой образной амальгамы, отсылающей сразу к целому ряду литературных произведений, оформляющих для Карамзина контуры нового литературного направления.

Однако книги могут упоминаться в «Письмах...» и как собственно предмет, когда имеет значение не столько автор книги, сколько она сама – знак уже не литературной традиции, а именно определенной формы организации жизни людей, пишущих и читающих, которые встречаются во всех землях без исключения. Своеобразные переходные явления при этом – упоминания книг, автор которых назван, но более важным при этом остается книга как предмет – привлекательный или же нет – для путешественника.

Пример этому – «Готшедова грамматика» в самом начале путешествия, в Курляндской корчме («Тотчас окружили нас Жиды с разными безделками. Один предлагал трубку, другой старый Лютеранской молитвенник и Готшедову Грамматику, третий зрительное стекло, и каждый хотел продать товар свой таким добрым господам за самую сходную цену»⁵). В трактовке исследователей этот момент имеет знаковый характер для развертывания т.н. «филологического сюжета» книги. Как пишет Т. А. Алпатова, языковая теория Готшеда представляется Карамзину в момент создания «Писем...» безнадежно устаревшей, поэтому его герой не обращает на нее внимания, сводя книгу (предмет, в просветительской системе ценностей наделенный особой значимостью) до уровня «безделки», никому не нужной, превратившейся в нечто, утратившее даже материальный смысл².

Иной, противоположный оттенок значения, получает книга, упомянутая в описании Кале: «Я взглянул на окно, и увидел горшок с розами. Подле него стояла молодая женщина, и держала в руках книгу — верно *Sentimental Journey!*»⁵. Деталь эта становится знаковой на самых различных уровнях текста. Для развертывания «стернианского сюжета» «Писем...» она включается в целый ряд примеров творческой игры Карамзина-повествователя с реминисценциями из «Сентиментального путешествия», рассыпанными в тексте в письме из Кале (с посещения которого начиналась книга Стерна): «естьли позволите, то я спросил бы еще — — «Где тот каретный сарай, перервал Офицер, в котором Йорик познакомился с милою сестрою Графа Л*?» — Где он помирился с отцом Лорензом и... с своею совестью. — «Где Йорик отдал ему черепаховую свою табакерку и взял на обмен роговую?» — Но которая была ему дороже золотой и бриллиантовой. — «Этот сарай в 50 шагах отсюда, через улицу; но он заперт, а ключ у Господина Дессеня, который теперь... у вечерни.» — Офицер засмеялся, — поклонился, и ушел...»⁵. Сама эта книга, наконец названная, становится для читателя своего рода разгадкой тех литературных загадок, которые до этого предлагаются читателям, стремящимся стать знатоками Стерна. Важно упоминание книги и в развертывании карамзинских оценок Англии как особого культурного пространства, а также для развёртывания своеобразного «чувствительного» уровня эстетики «Писем...», для которого принципиально важен образ нового читателя – женщины, что отсылает и к руссоистскому плану повествования, фиксируя главную для этого философского направления идею превосходства природного начала. В итоге книга как предметный образ объединяет в себе все эти культурные, литературные, эстетические ассоциации, наполняясь важным значением в тексте.

Заключение

Предметный мир «Писем русского путешественника» представляет собой насыщенный бытовым, объективно описательным материалом слой текста, просветительский потенциал которого в значительной мере дополнялся возможностями субъективно-эмоциональной выразительности, принципиально важной как для Карамзина-писателя, так и для развития российского сентиментализма, открывавшего путь индивидуально-творческому освоению окружающего мира в литературе. Многоуровневое строение книги способствовало тому, что каждая представленная деталь получала возможность не только маркировки конкретного эпизода, но попадала в сложную систему связей, обогащавших как культурно-исторические ассоциации ее в тексте, так и привносивших субъективно-авторские, эмоциональные коннотации. В результате предметная деталь оказывалась возможностью раскрывать философию авторского отношения к миру – итог творческих поисков Карамзина в анализируемом направлении, что впоследствии будет магистральным направлением в развитии русской литературы начала XIX века.

Библиография

1. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. – М.: Республика, 1994. – 591 с.
2. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина. Поэтика повествования. – М.: МГОУ, 2012. – 560 с.
3. Балдин А. Протяжение точки. Литературные путешествия. Карамзин. Пушкин. – М.: Эксмо, 2009. – 576 с.
4. Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века, 1780–1792 гг. – Пг.: Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1915. – 335 с.
5. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. [и примеч. сост.] Ю. М. Лотман и др. – Л.: Наука, 1984. – 717 с. ("Литературные памятники").
6. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. "Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984 (серия "Литературные памятники"). С. 525-606.
7. Роботи Т. Литература путешествий // Русская проза: сборник статей под ред. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова. – Л.: Academia, 1926. – С. 42-73.
8. Сапченко Л.А. "Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина – энциклопедия европейской жизни // Философский век. Альманах 27: Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. – СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2004. – С. 330-336.
9. Сахаров В.М. Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия // Вопросы литературы. 2000. № 6. С. 149-164.
10. Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор "Писем русского путешественника". – СПб.: тип. В. Демакова, 1899. – 578 с.
11. Топоров В.Н. "Бедная Лиза" Карамзина: Опыт прочтения. К 200-летию со дня выхода в свет. – М.: РГГУ, 1995. – 512 с.
12. Чудаков А.П. Предметный мир литературы (к проблеме категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 251-291.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию предметного мира «Писем русского путешественника» Николая Карамзина. Актуальность работы обоснованно

аргументируется «необходимостью целостного взгляда на динамику изображения предметного мира в русской литературе XVIII века». Отмечается, что «в период перехода от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания такой аспект поэтики, как система предметно-бытовых деталей, позволял писателю не просто фиксировать рамки художественного пространства текста и выстраивать мотивировки действия персонажей, но отражать всё более индивидуализировавшуюся картину мира».

Теоретической основой работы обоснованно выступили труды по предметному миру литературы, литературе путешествий, а также исследования, посвященные творчеству Н. М. Карамзина и «Письмам русского путешественника». Библиография включает 12 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Обращаем внимание, что в тексте некорректно дана ссылка на источник 4. Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века, 1780–1792 гг.: см «Т. А. Алпатова подробно проанализировала, насколько сложным и неоднозначным было отношение Карамзина-писателя к т. н. «масонской прозе» [2]; В. Я. Барсков [3], В. В. Сиповский [10], Ю. М. Лотман [6], В. М. Сахаров [9] установили...». Также автор(ы) не апеллируют к научным работам последних лет (не изучено ни одного источника, изданного в последние 3 года). Конечно, данное замечание не умаляет значимости проделанной работы, однако в этом случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, метод обобщения, социокультурный и художественный анализ, культурно-исторический метод, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также структурно-семиотический и сравнительно-типологический методы, которые «позволяют представить предметно-бытовые детали в книге как целостную систему, обладающую собственными законами построения и строящуюся на различных иерархически соположенных уровнях».

В ходе исследования проведен качественный анализ изучаемой проблематики: подробно рассмотрены организация предметного мира «Писем...» и жанровая природа текста, предметно-тематический уровень типологии бытовых деталей, метапоэтический потенциал предметных деталей «Писем...». В заключении сформулированы выводы о предметном мире «Писем русского путешественника»: «каждая представленная деталь получала возможность не только маркировки конкретного эпизода, но попадала в сложную систему связей, обогащавших как культурно-исторические ассоциации ее в тексте, так и привносивших субъективно-авторские, эмоциональные коннотации», «предметная деталь оказывалась возможностью раскрывать философию авторского отношения к миру – итог творческих поисков Карамзина в анализируемом направлении, что впоследствии будет магистральным направлением в развитии русской литературы начала XIX века».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением предметного мира в русской литературе XVIII века. Полученные результаты могут применяться в вузовских курсах по теории литературы, лингвопоэтике, стилистике художественной речи и в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. В

тексте статьи встречаются языковые недочеты технического характера: см «Выявленный исследователями энциклопедизма этого произведения», «значимость которого для Карамзина была зафиксировала уже в работах В. В. Сиповского».

В целом, статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».